

МАМЕДОВ АГАМАЛИ КУЛАМОВИЧ*
КОРКИЯ ЭКА ДЕМУРИЕВНА**

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Социологический факультет
Россия, Москва

УДК 316.77:316.74:37
Монографска студија
Примљен: 11.04.2014
Одобен: 05.05.2014

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: «РОДИМЫЕ ПЯТНА» НЕРАВЕНСТВА

Аннотация: В статье утверждается тезис, согласно которому в информационном обществе, основанном на новом ресурсе, как знание и информация, происходит неявное, но вполне реальное расширение социального неравенства. Это обусловлено всеобщим доступом к информационному потенциалу, а также наличием базовых характеристик нового социокультурного феномена как неистощимость, бесконечность, которые системно связаны с иными свойствами, как то, – избирательность (селективность). В следствие чего, в информационном обществе принадлежность к высшему классу впервые начинает определяться с точки зрения новых критериев: интеллект, креативность и яркость личностного начала.

Ключевые слова: информационное общество, информационное неравенство, знание, информация, интеллект, образование, креативность, информационная культура, общество, гуманизация, статус, гетерогенность, цивилизация, наука

Начало XXI в. обозначило новое культурное прочтение социального контекста, характеризующееся постепенным «переживанием» новых трендов ;каждая из сфер социальной реальности ощутила системное воздействие информационной революции, ставшей к тому

* ekakorkiya@mail.ru

** akmnauka@yandex.ru

времени новой онтологической действительностью. Новая трансформация была продиктована, в первую очередь, со все более возрастающим значением информационно-коммуникационных технологий и инноваций, которые невиданными доселе темпами стали распространяться во всем мире, охватывая все сферы жизнедеятельности. С широкомасштабным использованием информации и научных знаний как стратегического ресурса для дальнейшей эволюции общества, многие ученые связывают надежды на возможность преодоления глобального кризиса современной цивилизации, а также решения многих глобальных проблем. Видный западный социолог М. Кастельс постулирует, что в мире наблюдается «трансформация нашей материальной культуры через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий» [5,71]. Происходит тотальная информатизация и сциентизация быта, технологии нового порядка начинают активно использоваться на всех уровнях социальной организации. Расширение доступа к информации становится само по себе стимулирующим фактором системного изменения уровня жизни, формирования новых видов социальных практик, а также формирования нового типа социального устройства – «информационного». Как отмечал У. Мартин, «качество жизни, так же как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и ее использования. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [17, 40], в следствии чего информация начинает восприниматься как главный ресурс и вектор развития общества, детерминирующего фактора современного социогенеза.

Но есть и иная, латентная, сторона данного процесса, на фоне которого информация и знание приобретают черты одного из главных ресурсов и источников социального богатства в рамках динамики общества информационного типа. Одним из значимых (весьма привлекательных) тезисов, сформулированных теоретиками информационного общества, было и является положение о преодолении существующего классового неравенства на основании бесконечно и открытого доступного, следовательно, и равного доступа к информации, которая должна быть свободной. Безусловно, и не подлежит сомнению, что подобно тому, как некогда был в основном преодолен сословный принцип формирования общества, преимущественно построенный на родственных связях, в информационном обществе достаточно быстро преодолевается существующая до сих пор классовая структура,

имеющая в своем основании, в основном, экономический принцип разделения. На социальной арене, в силу ряда социокультурных причин, появляется и выходит на первый план новый класс интеллектуалов, структура которого, в первую очередь, определяется резким увеличением количества людей, имеющих престижное высшее образование. Образование (культура в целом) легитимирует существующее в обществе социальное неравенство и, тем самым, как бы оправдывает его. Оправдывая социальное неравенство, культура помогает людям примириться с ним и придает устойчивость сложившейся стратификационной системе. В современной эпохе образование само по себе меняет системное предназначение, значительно теряет функции социального лифта, заменяя ее стигматизацией, «маркировкой» социального престижа [6, 23]. Так, например, отмечается, что в Америке доля представителей традиционного капиталистического класса среди высших менеджеров крупных компаний по сравнению с 1900 годом существенно сократилась к началу стремительного развития информационных технологий: если в 1900 годы она составляла порядком 50%, то во второй половине 1970-х годов данная доля уже не превышала и 5%. Еще Д. Белл констатировал, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня "новыми людьми" являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии» [1, 32].

Казалось бы, что при наличии равного доступа к информации и знанию можно говорить о процессе всеохватной демократизации общества, однако, с появлением упомянутого выше класса интеллектуалов с его базовыми свойствами, информация начинает восприниматься в качестве основы и критериев процесса образования новых социальных страт, т.к. основной принцип формирования подобных страт характеризуется: владением информацией и подключенностью к знанию ресурсу. Как итог, формируется кардинально новый критерий классового деления, который выражается, в первую очередь, в доступе к качественному образованию. Справедливым также является тезис, согласно которому мы говорим о процессе демократизации современного общества, поскольку сама информация в силу неограниченного доступа к ней является наиболее демократичным и доступным фактором производства и источника власти. С другой же стороны, — информация является и наименее демократичной, в связи с тем, что доступ к ней отнюдь не означает автоматического владения ею. Происходит

качественная метаморфоза в процессе собственных отношений, вместе с которой меняется и социальная структура.

Безусловно, информацию — в ее отличие от иных системных ресурсов (нефть, уголь и т.п.) — характеризуют такие качества, как неистощимость, бесконечность, непотребляемость. В то же время, она обладает таким качеством, как избирательность, основными решающими факторами приобщения к этому ресурсу, являются, в первую очередь, интеллект, креативность, яркость личностного начала. Исходя из этого, информационное общество уникально в том смысле, что в нем впервые в истории основным критерием принадлежности к высшему классу является не доступ (в силу статуса) к тем или иным материальным благам, а умение ими распоряжаться. Современные общества имеют собственный вариант объяснения (и оправдания) социального неравенства - миф о том, что человек сам кузнец своей судьбы-построения своей карьеры на основе демократичности современной культуры.

Но один лишь доступ, взятый в отрыве от других факторов, к информации вовсе еще не означает полноправного обладания ею. На сегодняшний день в развитых странах, в первую очередь, уровнем образования определяется социальный статус человека и — соответственно — классовые различия в обществе. Диплом престижного университета зачастую априори снимает препятствия в продвижении по службе ; отсутствие же фундаментального образования, зафиксированного (институализированного) в дипломе элитарного вуза, приводит к формированию класса тех, кто стоит у основания социальной лестницы. Неравный доступ к образованию становится основой новой формы социального неравенства(скрытого, неявного)

В результате системной трансформации даже в промышленном производстве, согласно П. Друкеру, базовым становится не класс работников физического труда, а работников именно интеллектуального труда. Параллельно с Друкером, в 1962 году Ф. Махлуп институализирует данное понятие, вводя в научный оборот термин «работник интеллектуального труда» (knowledge worker) [11, 42], определяя его содержательные характеристики в следующем виде: это человек, который ориентируется на оперирование информацией и знаниями; стремится к той деятельности, которая открывает широкие возможности для самовыражения и самореализации в обществе, как правило, вопреки получения сиюминутной выгоды; наконец, это человек, который обладает высокой мобильностью и является независимым от собственности на средства условия производства. Фиксируется «конец эпохи Меттер-

ниха», где размеры территории, количество населения, армия являлись определяющими детерминантами социального развития. В «новой волне» [12,3] рычагами развития становятся: концентрация образованного населения, ее здоровье, открытость и креативность, концентрация коммуникативных ресурсов. Вследствие чего, преимущественное развитие получают те производственные отрасли, где работа напрямую связана с использованием знаний (так называемые *knowledge industries*) [13, 24] — в США до 60% валового национального продукта производится в технологически развитой сфере промышленности (смарт-экономике). Изменяется и характер самого труда, не требующий постоянного присутствия — основной становится работа по телекоммуникационным сетям, возникают варианты «фрилансерства». Причем, в США количество рабочих мест, имеющих «виртуальное» присутствие, стремительными темпами увеличилось за всего одно десятилетие: с 3 млн. человек в 1990 году до 10 млн. в 1995 году и уже до 25 млн. в 2000 году [3, 42]. Закономерно, что в результате подобного технологического (да и социального) процесса закрывается (иногда это приводит к социальным катаклизмам) значительное количество традиционных рабочих мест на производстве и создается гораздо больше площадок для среднего класса, которые по своему социальному положению все чаще напоминают рабочую интеллигенцию. Это процесс достаточно объективен, но поскольку он формирует новые социальные конструкты, а следовательно, создает новые формы «отчуждения», безусловно, этот процесс чреват и классовым противостоянием в обществе, но в иных социальных полях.

Выделение принципиально новой социальной страты, что определяет существование совершенно новой формы так называемой структуры общества, с необходимостью повлекло за собой целый ряд значимых социальных последствий. Как уже отмечалось выше, наиболее серьезным из них стало формирование и институционализация новых форм классового неравенства. Так, по мнению А. Турена, помимо достижения интеллектуального господства, класс технократов, в силу своего доминантного статуса, подавляет остальные классы и социально. При этом образовавшийся низший класс — так называемый «*underclass*» — становится в ситуации социальной агнозии и апатии - не способен даже выступать как самостоятельный субъект социального процесса [20,70]. Р. Дарендорф же одним из первых стал определять в качестве «правлящего класса посткапиталистического общества» топ-менеджеров компаний и государственных управленцев административного персонала [10,160]. Эта новая социальная страта технократов включает в себя

тех, кто создает специальные знания, применяет «талант и опыт в процесс группового принятия решений» [14,86].

Эти процессы наметились и среди рабочих, где произошло внутреннее существенное расслоение на тех, кто смог, в достаточной мере, приспособиться и овладеть новыми технологиями – они вступили в транзитивный процесс перехода в разряд работников умственного труда — и тех, кто продолжает продавать не знания и способность ими владеть, а только свою рабочую силу в ее преимущественно физическом смысле. Последних «их более удачливые коллеги считают "неудачниками", "отсталыми", "ущербными", "гражданами второго сорта" и вообще "нижестоящими"» [11, 184]. Эти процессы были зафиксированы, в частности, А. Горцем, который выделил социальную группу «не-класса не-рабочих», или «неопролетариата», вобравшую в себя всех тех, чьи интеллектуальные и творческие способности были фактически обесценены современными технологиями. «Работники этих профессий почти не охвачены профсоюзами, лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу» [15,32]. Это привело к основанию аннигиляции рабочего класса, к концу 1970-х годов К. Реннер отметил, что рабочий класс, описанный в «Капитале» Маркса, «более не существует» [18,254]. Поскольку статус и функции элиты перестали определяться в рамках устоявшегося иерархического положения в обществе, уступив свое «насиженное годами» место и социальную эстафету обладанию научной компетентностью, постольку и границы нового класса становятся гибкими, подвижными, адекватными новой социальной динамики.

Однако здесь возникает и новый ряд системных противоречий-основное из них связано с необходимостью актуализации и понимания того, что определяет основу принадлежности к тому или иному социальному классу. По мнению В.Л. Иноземцева, ссылающегося на классическую работу М. Вебера, базовым признаком класса является «хозяйственный интерес его представителей, а не наличие собственности на средства производства или ее отсутствие» [4, 11]. Как отмечает исследователь, такой подход становится единственно возможным в условиях «информационной» экономики, где как никогда прежде становятся актуальными вопросы определения прав собственности. И если теоретики марксизма утверждали, что приход к власти рабочего класса (пролетариата) в силу особенностей социогенеза раз и навсегда уничтожает все классовые различия, то процесс формирования в информационном обществе «класса интеллектуалов» поневоле приводит к беспрецедентному расколу общества на разнородные группы. Подоб-

ный процесс безусловно сопровождается активным формированием ино- класса технократов, который не зависит от традиционного класса буржуа. Это позволяет сформулировать вывод о том, что в современном обществе появляются постмодернистские виды капитала — человеческий, интеллектуальный, структурный, — которые, как правило, не имеют воплощенной в материальные носители формы, но персонафицированы в их конкретных носителях (в умах креативного кластера).

Данный подход, на наш взгляд, позволяет рассматривать собственность в условиях становления и дальнейшей динамики информационного общества как своеобразную «внутреннюю собственность» (intra-ownership или intra-property), как некую «несобственность» (non-ownership). Утверждается, что собственность в ее классической форме, в принципе, утрачивает доминантное значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь ограниченными и условными [8,20].

Существенным образом возрастает роль личной собственности в противовес остальным формам, что поневоле отчуждает класс интеллектуалов от остальных. С ростом роли личной собственности власть переходит от капиталистического класса к технократам; как отмечает П. Друкер, «класс интеллектуалов, а не капиталисты, обладают (основными) властью и влиянием» в современном обществе [12, 99]. Следовательно, эксплуатации, в той устоявшейся форме, какой она досталась от модерна, более не существует; происходит слияние капитала и работника в противоположность классической классовой теории общества. Она (эксплуатация) приобретает иную онтологию неравенства, совершенно новые контуры.

Технократический класс отличает от всех остальных: высокая востребованность в самых разнообразных структурных подразделениях социальной иерархии и исключительная мобильность. Это приводит к возникновению принципиально иных методов управления ими, кардинально отличающихся от тех, что доминировали в индустриальном обществе. Управление инновационными работниками, являющимися «собственниками знаний» теперь аналогичны управлению добровольными автономными организациями, а выход работников за пределы компании должен рассматриваться как естественное и нормальное (неоспариваемое никем) проявление роста их личностного потенциала и капитала. В связи с этим, в современной корпорации, как показал в своей работе «Пост-капиталистическое общество» П. Друкер, ни одна из сторон (ни работники, ни предприниматели)

не является ни «зависимой», ни «независимой» — все они предстают как «взаимозависимые» [13,66]. Люди новой формации, зачастую работают не в силу нужды, отсутствия средств производства, а потому что работа предполагает личный творческий интерес (принцип анти-Питера)

Здесь можно высказать предположение, что информация и знание всегда были прерогативой управляющих классов и — таким образом — выступали как источник социального неравенства. Сама категория знания еще Ф. Бэконом воспринималась в качестве одноуровневой категории с властью (концепт «знание-сила»). Уже в рамках постструктуралистского направления мысли из этой идеи М. Фуко был дедуцирован вывод, согласно которому борьба за знание характеризуется латентной борьбой за обладание властью в ее политическом смысле, где в обратном направлении и наука в целом как главный агрегат всего человеческого знания начинает использоваться в рамках принятия политических решений того или иного уровня [8, 101-103]. Все это указывает на имманентную природу дифференцирующей функции любого знания.

В традиционном (или доиндустриальном обществе), а также в гораздо более демократическом индустриальном, в силу особенностей социальной структуры, монополия на знание по «естеству» всегда принадлежала правящей элите, вершине социальной пирамиды. Вне зависимости от того, что социальный диапазон монопольного ресурса этих обществ был весьма различным - от архаичных сакральных учений, традицией, обычаев и завершая феодем, военной силой или производственным капиталом — персонификация этого ресурса всегда по статусному положению порождала и воспроизводила элиту. Несмотря на существенные различия в типологии элит, они имели общий системный признак — стремление к присвоению материальных и, в первую очередь, символических благ, которые непосредственно связаны с особым рода информацией (знанием). Соответственно, если в аграрном и индустриальном обществах основной социальный конфликт(вся социальная драма) разворачивался вокруг средств производства и ресурсов, а основными участниками подобного социального конфликта выступали большие и устоявшиеся социальные группы, владеющие и отчужденные от них, то в информационном же обществе социальное противостояние выходит на принципиально новый уровень социального текста. Оно (социальное противостояние), а, следовательно, и социальный конфликт, возникает между людьми, обладающими определенными личностно-социальными характеристиками и уникальными

навыками, и людьми, в силу ряда причин (происхождение, статус, роль, личностные черты) не имеющими таковых. По существу, речь идет о таком уровне социального конфликта, который возникает как причина и следствие неравного распределения самих существенных человеческих возможностей. Данное социальное поле приводит к тому, что современная ситуация классового противостояния приобретает небывалую остроту такого уровня, какой не знало ни аграрное, ни индустриальное общество. Эти страты состоят из «допущенных» и «не допущенных» не столько к распоряжению социальными благами, сколько, к процессу их создания [7, 18]. Существуют и иные ракурсы проблемы (культурологические), суть которых заключается в том, что в настоящее время подавляющая часть знаний в области новейших достижений науки, техники и развития технологий представляется и в первую очередь распространяется, в силу ряда причин, на весьма ограниченном количестве языков передовых стран мирового (доминирующего) сообщества. К этим языкам относится, в первую очередь, английский язык, который в последние десятилетия де-факто становится наиболее популярным в мире языком представления и распространения научно-технической информации.

В современной социологической литературе это явление было актуализировано в различных концепциях - сообщества «второй» (индустриалисты) и «третьей» (постиндустриалисты) волн у О. Тоффлера, в противостоянии которых он видел главный политический конфликт современности, раскалывающий общество на две большие группы людей: тех, кто является сторонниками индустриального прошлого и тех, кто видит невозможность решения современных глобальных проблем в рамках старого индустриального строя [19, 25]. Другой весьма интересный исследователь современного этапа развития общества Р. Инглхарт выделял сообщества «материалистов» и «постматериалистов», противостояние которых основывалось на различиях базового индивидуального опыта, что был приобретен в ходе значимых исторических трансформаций современного мира [2, 29]. Следует упомянуть также и сообщества индустриального и постиндустриального общества (Д. Белл), а также модернистского и постмодернистского этапов социального развития (С. Лэш, С. Крук). Возможно, несколько более точно процесс подобного противостояния фиксировали Дж. К. Гэлбрейт и П. Друкер, говоря о сообществах капиталистического и посткапиталистического общества как о «knowledge — workers» и «consumption — workers», или о «knowledge workers» и «non — knowledge people» [4,29].

Данный социальный с конфликт не характеризуется (историческим «обнищанием» рабочего класса) и готовностью рабочих к борьбе за социальное равенство, вместе с тем, становится весьма существенным сравнение реальных доходов интеллектуалов (представителей технократического класса) и работников физического труда. В США за десятилетие с 1978 года по 1987 год доходы рабочих со средним уровнем образования упали на 4%, в то время как для выпускников колледжей повысились на 48%. Подобная тенденция имущественного расслоения на основе образовательного уровня в последующие десятилетия сохранилась, на ее фоне средняя почасовая зарплата обладателя диплома бакалавра за период 1987–1993 годов составила 15,71 американских долларов.

Закономерным образом, в то же время ощутимо ухудшилось положение представителей традиционного среднего класса, некогда гаранта социальной стабильности. В.Л. Иноземцев, ссылаясь на П. Кругмана, констатирует, что «средний американский рабочий не получал реальной прибавки к заработной плате со времени вступления в должность президента Р. Никсона» [16, 84]. Зарплата рабочих, не имеющих высшего образования, с 1973 по 1993 годы упала практически на 20% (и это несмотря на повышение производительности их труда не менее, чем на 25%). Резкое падение заработной платы привело к тому, что доход многих работников, занятых полный рабочий день, не позволял им, тем не менее, подняться выше черты бедности. Эта социальная прослойка в середине 1980-х годов получила название «работающей бедноты» («working poor»). Причем, их доля к 1990-м годам уже составляла почти 18% всего работающего населения США, из которых более 15% официально находятся ниже черты бедности и существуют за счет государственных субсидий.

Становится очевидным тот факт, что уникальные навыки и образование являются ключом к приобщению к творческим или же креативным профессиям (ученые и деятели культуры, высококвалифицированных специалисты в области менеджмента и финансов, юристы, профессиональные эксперты и т.д.), а, следовательно, к вхождению в высший класс общества. Усиление влияния новой элиты на социальную жизнь проявляется в том, что за одно только десятилетие (1979–1989 годы) совокупный доход тех, кто составляет наиболее высокооплачиваемую группу профессиональных работников, увеличился более чем в 2 раза.

Подводя итог вышесказанному, укажем, что информационное общество, которое является неизбежным результатом произошедшей в

недавнем прошлом технологической революции, системно трансформирует всю социальную действительность. Следствием подобного социогенеза является формирование такого типа общества, в основании которого вовсе не лежит всеобщее материальное и социальное равенство, вопреки расхожему представлению адептов, которые описывали в подобных романтических категориях грядущие исторические и общественные тренды. Как выяснилось, информационное общество само уже по своему базисному предназначению создает новые социальные «типики», социальные предпосылки для еще большего расслоения общества, но на основе знания и информации, подменяя (снимая) тем самым исторически отжившие формы классового расслоения, господствующие в прошлом, на новые, но не менее драматичные. Действительно, как декларировалось, доступ к информации и знанию, быть может, и открыт практически в равной мере для всех людей, но, дискретность нового информационного поля вовсе не предполагает свободного и демократического овладения данным ресурсом, поистине доминирующим в современной «мерцающей» информационной реальности.

Список литературы:

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Асадеміа. 1999.
2. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
3. Иноземцев, В.Л. (2000a) «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. М.: Логос, 2010.
4. Иноземцев, В.Л. (2000b) Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2010.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – М.: Высшая школа экономики, 2000.
6. Мамедов, А.К., Липай, Т.П. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования). Электронный научный журнал «Актуальные инновационные исследования: наука и практика», <http://www.actualresearch.ru>, №1, 2011.
7. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Пер. с англ. М.: АСГ. 2002.
8. Михнева, С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Журнал Инновации. 2003, № 1.
9. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.— М., Касталь, 1996.

10. Dahrendorf, Ralf. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty, Berkeley (Ca.), L.: Univ. of California Press., 1988.
11. Drucker, Peter F. The New Realities: In Government and Politics, in Economics and Business // Society and World View. Boston; Oxford: Butterworth-Heinemann., 1989.
12. Drucker, Peter F. Landmarks of Tomorrow. New York: Harper & Brothers., 1996.
13. Drucker, Peter F. Post-Capitalist Society. N. Y., 1995.
14. Galbraith, K. The New Industrial State. L., 1991.
15. Goldman, M. Lost Opportunity. What Has Made Economic Reform in Russia So Difficult. N. Y.; L., 1996.
16. Krugman, P. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.), 1998.
17. Martin W.J. The Information Society. – London: Aslib, 1988.
18. Renner, K. The Service Class // Bottomore T. B., Goode P. (eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.
19. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. Atlanta, 1995.
20. Touraine, A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House., 1974.

References:

1. Bell, D. Grjadushee postindustrial'noe obshestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya. M. : Academia. 1999.
2. Inghart, R. Postmodern: menjayushiesja cennosti i izmenjayushiesja obshestva // Polis. 1997. № 4.
3. Inozemcev, V.L. (2000a) «Klass intellektualov» v postindustrial'nom obshestve. M.: Logos, 2010.
4. Inozemcev, V.L. (2000b) Sovremennoe postindustrial'noe obshestvo: priroda, protivorechija, perspektivy. M.: Logos, 2010.
5. Kastel's, M. Informacionnaja yepoha: yekonomika, obshestvo, kul'tura. – M.: Vysshaja shkola ekonomiki, 2000.
6. Mamedov, A.K., Lipai, T.P. Stigmatizacija kak social'nyi fenomen (metodologija issledovaniya). Yelektronnyi nauchnyi zhurnal «Aktual'nye innovacionnye issledovaniya: nauka i praktika», <http://www.actualresearch.ru.>, №1, 2011.
7. Markuze, G. Yeros i civilizacija. Odnomernyi chelovek. Per. s angl. M.: ASG. 2002.
8. Mihneva, S.G. Intellektualizacija yekonomiki: innovacionnoe proizvodstvo i chelovecheskii kapital // Zhurnal Innovacii. 2003, № 1.
9. Fuko, M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. Per. s franc.— M., Kastal', 1996.
10. Dahrendorf, Ralf. The Modern Social Conflict. An Essay on the Principles of Liberty, Berkeley (Ca.), L. : Univ. of California Press., 1988.

11. Drucker, Peter F. The New Realities: In Government and Politics, in Economics and Business // Society and World View. Boston; Oxford: Butterworth-Heinemann., 1989.
12. Drucker, Peter F. Landmarks of Tomorrow. New York: Harper & Brothers., 1996.
13. Drucker, Peter F. Post-Capitalist Society. N. Y., 1995.
14. Galbraith, K. The New Industrial State. L., 1991.
15. Goldman, M. Lost Opportunity. What Has Made Economic Reform in Russia So Difficult. N. Y.; L., 1996.
16. Krugman, P. The Age of Diminishing Expectations. US Economic Policy in the 90s. 3rd ed. Cambridge (Ma.), 1998.
17. Martin W.J. The Information Society. – London: Aslib, 1988.
18. Renner, K. The Service Class // Bottomore T. B., Goode P. (eds.) Austro-Marxism. Oxford, 1978.
19. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization. Atlanta, 1995.
20. Touraine, A. The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. N. Y.: Random House., 1974.

INFORMATION SOCIETY: "BIRTHMARKS" INEQUALITY

Summary: In this article we formulated the idea that in the information society that is based on the productive resources such as knowledge and information, there is a latent extension of social inequality. This is caused by the availability of information and the availability of its attributive qualities as inexhaustible, infinite that systematically associated with different properties, such as, - selectivity. On this basis, in the information society belonging to the upper class for the first time begins to be determined in terms of the new criteria: intelligence, creativity and brilliance of the personal principle.

Key words: information society, information inequality, knowledge, information, intelligence, education, creativity